

Александр ЧАЦКИЙ Коллекционер Федорков

Живописный портрет, созданный хорошим художником, обладает, по моему, неким гипнотическим свойством. Для того чтобы это почувствовать, необходимо находиться наедине с портретом.

Так произошло со мной, когда я приобрел портрет Ивана Михайловича (И. М.), созданный в 1956 году харьковским художником Виктором Яковлевичем Савенковым (1919 — 2004). На белом загрунтованном холсте размером 67 x 42 см изображено в три четверти лицо И. М., нарисованы воротник кителя и один погон, далее китель лишь намечен.

Такой будто бы недописанный реалистический портрет мне очень нравится: не надо отвлекаться на детали. Главное в портрете — это лицо.

К слову, в 1980-х годах И. М. писал известный одесский художник Иосиф Островский. Когда портрет был закончен, И. М. увидел, что автор сильно польстил ему, и... отказался от портрета. Где он сейчас?..

Савенковский портрет И. М. был на подрамнике без рамы. Я поставил его недалеко от письменного стола и нет-нет, да поглядывал на него; заказал раму, и через несколько дней портрет был в раме. Там же я повесил портрет и часто продолжал смотреть на него. Неожиданно я заметил, что откуда бы ни смотрел (слева, прямо, справа), я встречал взгляд И. М., смотрящего через очки на меня. Рот у И. М. приоткрыт: он что-то говорит (мне?). И я понял! "Пиши". Он хочет, чтобы я написал о нем.

Ах, человеческая память, человеческая память! До чего же ты бываешь короткой! Как мало в памяти остается...

ЭСКИЗ БИОГРАФИИ

И. М. родился 10 апреля 1900 года в деревне Бараново под Белгородом. Окончил реальное училище, затем стал юнкером (шла первая мировая война). В первые годы Советской власти он за это даже попал в тюрьму, но родители нашли влиятельного человека, который помог его освободить. В дальнейшем родители были раскулачены (забрали корову и двух коз) и, не ожидая следующих репрессий, уехали из родимых мест.

И. М. окончил Винницкий медицинский институт. В довоенные годы он увлекся альпинизмом и участвовал в многочисленных восхождениях. На этой почве познакомился и подружился с фармакологом академиком Вотчалом. Тогда же стал собирать живопись.

С началом войны И. М. был призван в армию и дошел до Берлина.

В ОДЕССЕ

В 1958 г. И. М. выходит в отставку (в чине полковника) и переезжает в Одессу. Он бережно перевозит собрание книг, коллекцию русской и украинской живописи, продолжает активно пополнять свою коллекцию. В Одессе его интерес от передвижников сдвигается в сторону авангардных мастеров. В его коллекции были В. Серов, С. Судейкин, Н. Гончарова и Ю. Анненков, а из одесситов — О. Соколов, Т. Фраерман, В. Власов, Н. Степанов...

И. М. "завязывает знакомства с одесскими музеями, книжными магазинами, библиотеками, художниками. Он постоянно был окружен молодежью, принимал участие в ряде выставок", написал С.З. Лущик, близкий знавший И. М. на протяжении тридцати лет, в статье, посвященной портрету В. Хлебникова работы Ю. Анненкова, из коллекции И.М. Федоркова.

Несколько примеров. Первой одесской выставкой, в которой И. М. принял участие, была выставка картин русских и украинских художников из частных собраний, которая состоялась в октябре 1958 года в Картинной галерее (ныне — Художественный музей) на улице Софиевской. И. М. дает на выставку 15 произведений художников, чьи имена составляют славу русской и украинской живописи: Архипов, Васильковский, Зарубин, Колесников, Лансере, Левченко, Мурашко, Орловский, Рерих.

Вторую выставку произведений русских и украинских художников из частных собраний провел в 1965 году в зале "Комсомольской искры" Евгений Голубовский. Газета опубликовала 23 января 1964 года полный каталог этой выставки. Показали свои авангардные картины С. Серединский, И. Володин, И. Бекерман, С. Лущик и, конечно, И. Федорков.

Впервые после долгих лет замалчивания зритель увидел в его собрании картины Бразза, Гончаровой, Судейкина, Альтмана, Богомазова, Фалька, Фраермана, А. Шевченко, Якулова, Борисова-Мусатова, Б. Григорьева, Серебряковой, Экстер. Для человека, любящего искусство, имена этих художников звучат, как звуки чудной музыки, обещающей радость при встрече с их произведениями.

К 50-летию одесского художника Юрия Егорова состоялась персональная выставка в одесском музее Западного и Восточного искусства. И. М. дает на выставку две картины Егорова. К этому времени в его собрании уже есть также картины одесситов Межберга и Шенкера, Криштопенко и даже студентки училища Тани Добровольской, чью будущую славу коллекционер буквально предугадал.

Библиофилы, встречавшиеся в центральном букинистическом магазине на Греческой площади, в 1967 году создают секцию книги при Доме ученых. И. М. — в числе основателей секции, входит в бюро, до 1978 года — заместитель председателя, а с 1987 года — почетный член секции. За это время он 68 раз выступил с докладами.

Пожалуй самым убедительным и доказательным был доклад о том, что А. Пушкин, путешествуя в Арзрум, не мог встретить перевозку праха А. Грибоедова. Либо не понял, что ему сказали грузины, либо усилил впечатление (ведь писал он не документальный очерк, а повесть, художественное произведение).

И. М. собирал пушкиниану, издания лермонтовяны, первые издания "Горя от ума", сказки народов мира, книги издательства "Academia". Его библиотека состояла из более чем 2000 томов.

В 60-х годах И. М. меняет свою квартиру на улице Гоголя и переезжает на улицу Нежинскую. В 1969 году умирает Фаина Марковна, и И. М. свои скорбь и тоску лечит работой в секции библиофилов. В 1970 году Натан

Маркович Спектор, также один из основателей секции, знакомит его с врачом Валентиной Павловной Феодорчук, которая вскоре становится его женой. Быстро пролетели 20 счастливых лет...

В эти годы И. М. увлекается "лечением" книг. Друзья (С.З. Лущик) дарят ему переплетный станок (который когда-то работал под руками выдающегося одесского художника Михаила Ивановича Жука).

Бывая на первых заседаниях секции в Доме ученых, я знакомлюсь с И. М., навеещаю его дома, смотрю его коллекцию живописи, собрание фарфора и библиотеку. Наконец, набираюсь смелости и прошу его переплести для меня собрание сочинений Д.С. Мережковского, которое удалось постепенно собрать (сытинское издание 1914 года в 24 томах). При этом прошу каждый том переплести отдельно. И. М. согласен, мы подбираем ситец для обложки, обои для страниц форзаца. Ни о какой оплате не может быть и речи. И. М. лишь просит: "Вы разрешите мне их прочитать..."

А сколько книг он переплел Феликсу Зинько, Валентине Меленчук, Евгению Голубовскому...

СЛОВО О КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИИ

Как рыхих, а правильнее сказать, золотых волосых много не бывает, так и коллекционеров не бывает много. Это — особенные люди, наделенные страстью к предмету своего коллекционирования.

Вот и И. М., говорят, ходил постоянно в военной форме, чтобы не тратить деньги на гражданскую одежду. Деньги ему нужны были для пополнения коллекции.

Коллекционирование есть творчество. В подтверждение этой мысли Стефан Цвейг сказал: "Радость собирательства заключается в акте творчества". Коллекционер должен знать, что искать, где и как искать, должен уметь правильно оценить найденное. В этом смысле можно говорить о таланте коллекционера, его чутье и интуиция.

И. М. переписывался с художниками, наследниками художников, коллекционерами, наследниками коллекций, собирался с "силами" и выезжал в Москву, Ленинград, Киев и другие города для приобретения желанной картины.

Деньги изыскивались не только самоограничением: что-то из коллекции продавалось (замечу, что в советское время коллекционирование было под бдительным наблюдением, считалось предосудительным делом, при "охоте" его можно было приравнять к спекуляции, за которую судили и давали срок. Но такое случалось, когда кто-либо из власти пренебрегающих сам хотел пожить в "вещдоках").

Но вернусь к коллекции Ивана Михайловича Федоркова.

Приобретенные картины не помещались на стенах двух небольших комнат в коммунальной квартире, где жил И. М.

Его комнаты разделяла дверь, одна из створок которой была постоянно закрыта: на ней И. М. повесил картину замечательного масте-

ра парижской школы Абрама Маневича. Ковер над тахтой также использовался для экспозиции картин: в него были вбиты гвоздики, на которых висели картины. Безразлично? Да, но только по отношению к коврам. Квартира И. М. была "аптекой для души и глаза гостя".

Как плод творческой деятельности следует рассматривать и совершенствование личности коллекционера в процессе собирательства. Накопленные сокровища становятся как бы частью интеллекта и духовного мира собирателя. Постоянное общение с ними, изучение их обогащает его, позволяет видеть мир по-новому.

И. М. не успел описать свое собрание и издать в виде книги-альбома. Думаю, что он именно это сделал бы, если бы Провидение отпустило ему еще несколько лет.

Судьбы коллекций бывают разные: счастливые и не очень.

Счастливым я считаю "коллекцию-долгостай", когда дети и внуки коллекционера продолжают его дело или коллекционер передает коллекцию музею, где ее жизнь продолжается.

И. М., думая о судьбе своей коллекции, вел переговоры с директором Художественного музея. Он хотел, даря коллекцию городу, чтобы все картины были представлены вместе как "коллекция Федоркова". Но не было тогда в Одессе музея личных коллекций, а директор музея отказала в просьбе.

Судьба коллекции — "не очень", когда с уходом коллекционера в мир иной его наследники распродают коллекцию. Но именно так рождаются новые поколения коллекционеров.

Самая страшная судьба у коллекции — когда коллекция гибнет. Так случилось с коллекцией Востока, а также монет античного Северного Причерноморья и старой Польши кандидата исторических наук одессита А.С. Коциевского. Стоило ему уйти с женой в кино на двухсерийный фильм, как грабители через прорезанное в чердачном перекрытии отверстие вынесли коллекцию. Когда об этом узнал Федорков, он воскликнул: "Не дай Бог такое пережить, я бы умер!"

Жизнь И. М. и судьба его коллекции, к несчастью, также закончились трагически: И. М. был убит дома грабителями (13 апреля 1990 г.), а коллекция его перестала существовать (основные произведения явно по наводке были украдены, а оставшиеся со временем распродали вдова).

След коллекции сохранился лишь в каталогах выставок, в которых участвовал Иван Михайлович, в акварели В. Криштопенко и в картине маслом Л. Межберга. Оба художника сумели передать дух коллекции Федоркова.

Следуя Гете, сказавшему о раскопках в Помпеях: "Мир пережил множество катастроф. Но ни одна из них не доставила столько радости", — мы скажем о коллекции и жизни И.М. Федоркова словами русской половицы о счастливой семейной жизни: "Они жили долго и умерли в один день".

Хотелось бы, чтобы краеведы Одессы установили на доме 45 по ул. Нежинской мемориальную доску в память о выдающемся коллекционере Иване Михайловиче Федоркове, чья коллекция живописи в 60 — 80-е годы XX века была одной из лучших в Одессе. С прискорбием нельзя не сказать, что правоохранительные органы за 24 года не нашли не только убийц, не только заказчиков, но и ни одной картины, похищенной убийцами.

В заключение сердечно благодарю В.П. Феодорчук за рассказ о своем муже и А.В. Дорошенко за ценные советы.

Сергей ЛУЩИК Саул Боровой — книговед

Перечень публикаций С.Я. Борового насчитывает около 300 позиций. Работы чисто книговедческие занимают среди них не очень большое место — порядка 20%. Конечно, деление это условно, книговедение переплетается всегда с историей, литературоведением, краеведением. Сам Саул Яковлевич прислал недавно список всего из 35 публикаций. Но по моим домашним материалам и записям можно добавить к нему 10 — 15 позиций — мелкие заметки, рецензии в газетах, хрониках, полемике, статей в словарях, например — в недавно вышедшем словаре "Книговедение".

Но дело не в количестве. Важно другое — посмотрите любую работу Борового по любой не книжной теме. Бросаются в глаза огромный справочный аппарат, обширная библиография, ссылки на множество малоизвестных, забытых книг, брошюр, журналов и газет. Везде и всегда проявляется великолепное знание книги. И может быть, следовало бы сделать специальное сообщение "Боровой как знаток книги"...

Видимо, сказывается то обстоятельство, что наш юбиляр начинал свою деятельность как раз в библиотеке. В годы гражданской войны, еще юношей, он занялся собиранием

всевозможных летучих изданий — листовок, воззваний, которых выходило тогда в Одессе несметное количество. В семнадцатилетнем возрасте он был уже "членом-корреспондентом", как он юмористически отмечал в одной из статей, специальной Комиссии по концентрации и изучению историко-революционных материалов. Позднее он стал аспирантом Одесской центральной научной библиотеки, как она тогда называлась и объединяла обе одесские библиотеки — университета и нынешнюю имени М. Горького.

Первая статья Борового посвящена листовкам гражданской войны, напечатана она в 1924 году, автору ее — 21 год. Следующая работа, продолжающая эту же тему, опубликована в 1927 году в сборнике "Праці одеської центральної наукової бібліотеки". Всевозможные летучие издания продолжали интересовать автора и в последующем, когда он стал уже зрелым ученым. В списке его публикаций уже в послевоенные годы можно найти еще несколько публикаций на эту же тему, одна из них подготовлена им недавно для "Альманаха библиофила". Насколько мне известно, С. Я. чуть ли не единственный из советских ученых уделит столько внимания летучим изданиям и их значению для науки.

Другая тема, занимавшая Борового многие годы, — история еврейской книги и еврейской периодики в Украине. Можно насчитать свыше 10 публикаций по этой теме, преимущественно середины 1920-х годов. Важно отметить, что в те годы С. Я. стоял у истоков организации в Одессе Еврейской академической библиотеки имени Менделеева Мойхера Сфорима. Весной 1924 года он числится даже исполняющим обязанности директора этой библиотеки.

В 1920-х годах в Киеве существовал Украинский научно-исследовательский институт книговедения, организованный знаменитым книговедом, литературоведом, библиофилом Юрием Алексеевичем Меженко. Этот институт издавал журнал "Бібліологічні вісті" с 1923-го по 1930 год. Начиная с 1925 года и до конца существования журнала в списке постоянных сотрудников журнала значится фамилия Борового. Я насчитал в журнале 9 публикаций Саула Яковлевича, от крупных исследований до мелких хроникальных или полемических заметок. Любопытно, что публикации Борового тогда не остались незамеченными — на них появлялись в журнале рецензии, с ними полемизировали. Обращаю внимание — ряд публикаций Борового подпи-

сан псевдонимом С. Б. Этот псевдоним нигде не зарегистрирован, но я проверил у самого автора, и он подтвердил — это действительно его статьи. Эти несколько журналов, которые я перечислю, — из библиотеки С. Я. Когда-то, лет десять — пятнадцать тому назад, он уступил мне почти полный комплект журнала. Это "Нариси з історії єврейської книги на Україні"; "Одеська єврейська академічна бібліотека"; "Наукова бібліотека в сучасних умовах" — анализ опыта работы всех крупнейших библиотек мира, от Ленинграда до Америки. Великолепное знание материала, неимоверное количество ссылок на русские и иностранные публикации по библиотечному делу. Лейтмотив статьи — превращение библиотеки из пассивного хранилища книги в научно-исследовательское учреждение.

Следующая область исследования С. Я., наиболее близкая нам — членом секции книги — история одесской книги. К этой теме он возвращается на протяжении всей своей научной деятельности. Уже упоминалось о работах, посвященных одесским летучим изданиям. В 1927 году появилась статья "Книга в Одесі в 1917 — 1921 роках". Очень интересный обзор с множеством цифр, характеризующих одесское книгоиздательское дело по годам и видам изданий. В те же годы С. Я. принял активное участие в подготовке коллективного издания "Одеська періодична преса років революції та громадянської війни" — знаменитой книги, лучшей из всего, что было издано подобного в нашей стране, книги, которой мы сегодня продолжаем пользоваться чуть ли не ежедневно.